

Карамзин Николай Михайлович
<http://www.bibliotekar.ru/karamzin/0.htm>

Карамзин
Николай
Михайлович

портрет
Тропинина

Карамзин Николай Михайлович - знаменитый русский литератор, журналист и историк. Родился 1 декабря 1766 г. в Симбирской губернии; вырос в деревне отца, симбирского помещика. Первой духовной пищей 8 - 9-летнего мальчика были старинные романы, развившие в нем природную чувствительность. Уже тогда, подобно герою одной из своих повестей, "он любил грустить, не зная о чем", и "мог часа по два играть воображением и строить замки на воздухе".

На 14-м году Карамзин был привезен в Москву и отдан в пансион московского профессора Шадена; он посещал также и университет, в котором можно было научиться тогда "если не наукам, то русской грамоте". Шадену он обязан был практическим знакомством с немецким и французским языками. После окончания занятий у Шадена, Карамзин несколько времени колебался в выборе деятельности. В 1783 г. он пробует поступить на военную службу, куда записан был еще малолетним, но тогда же выходит в отставку и в 1784 г. увлекается светскими успехами в обществе города Симбирска.

В конце того же года Карамзин возвращается в Москву и через посредство земляка, И. П. Тургенева, сближается с кружком Новикова. Здесь началось, по словам Дмитриева, "образование Карамзина, не только авторское, но и нравственное". Влияние кружка продолжалось 4 года (1785 - 88). Серьезной работы над собой, которой требовало масонство, и которой так поглощен был ближайший друг Карамзина, Петров, в Карамзине, однако, не заметно. С мая 1789 до сентября 1790 г. он объехал Германию, Швейцарию, Францию и Англию, останавливаясь преимущественно в больших городах, как Берлин, Лейпциг, Женева, Париж, Лондон. Вернувшись в Москву, Карамзин стал издавать "Московский Журнал" (см. ниже), где появились "Письма русского путешественника". "Московский Журнал" прекратился в 1792 г., может быть - не без связи с заключением в крепость Новикова и гонением на масонов.

Хотя Карамзин, начиная "Московский Журнал", формально исключил из его программы статьи "теологические и мистические", но после ареста Новикова (и раньше окончательного приговора) он напечатал довольно смелую оду: "К милости" ("Доколе гражданин покойно, без страха может засыпать, и всем твоим подвластным вольно по мыслям жизнь располагать;... доколе всем даешь свободу и света не темнишь в умах; доколе доверенность к народу видна во всех твоих делах: доколе будешь свято чтима... спокойствия твоей державы ничто не может возмутить") и едва не попал под следствие по подозрению, что за границу его отправили масоны. Большую часть 1793 - 1795 годов Карамзин провел в деревне и приготовил здесь два сборника под названием "Аглая", изданные осенью 1793 и 1794 годов.

В 1795 г. Карамзин ограничивался составлением "смеси" в "Московских Ведомостях". "Потеряв охоту ходить под черными облаками", он пустился в свет и вел довольно рассеянную жизнь. В 1796 г. он издал сборник стихотворений русских поэтов, под названием "Аониды". Через год появилась вторая книжка "Аонид"; затем Карамзин задумал издать нечто в роде хрестоматии по иностранной литературе ("Пантеон иностранной словесности"). К концу 1798 г. Карамзин едва провел свой "Пантеон" через цензуру, запрещавшую печатать Демосфена, Цицерона, Саллюстия и т. п., потому что они были республиканцами. Даже простая перепечатка старых произведений Карамзина встречала затруднения со стороны цензуры.

Тридцатилетний Карамзин извиняется перед читателями за пылкость чувств

"молодого, неопытного русского путешественника" и пишет одному из приятелей: "всему есть время, и сцены переменяются. Когда цветы на лугах пафосских теряют для нас свежесть, мы перестаем летать зефиром и заключаемся в кабинете для философских мечтаний... Таким образом, скоро бедная муза моя или пойдет совсем в отставку, или... будет переключивать в стихи Кантову метафизику с Платоновой республикой". Метафизика, однако, была так же чужда умственному складу Карамзина, как и мистицизм. От посланий к Аглае и Хлое он перешел не к философии, а к историческим занятиям. В "Московском Журнале" Карамзин завоевал сочувствие публики в качестве литератора; теперь в "Вестнике Европы" (1802 - 03) он является в роли публициста.

Преимущественно публицистический характер носит и составленное Карамзиным в первые месяцы царствования императора Александра I "Историческое похвальное слово императрице Екатерине II". Во время издания журнала Карамзин все более входит во вкус исторических статей. Он получает, при посредстве товарища министра народного просвещения М. Н. Муравьева, титул историографа и 2000 рублей ежегодной пенсии, с тем, чтобы написать полную историю России (31 октября 1803 г.).

С 1804 г., прекратив издание "Вестника Европы", Карамзин погрузился исключительно в составление истории. В 1816 г. он издал первые 8 томов "Истории Государства Российского" (в 1818 - 19 годах вышло второе издание их), в 1821 г. - 9 том, в 1824 г. - 10-й и 11-й. В 1826 г. Карамзин умер, не успев дописать 12-го тома, который был издан Д. Н. Блудовым по бумагам, оставшимся после покойного. В течение всех этих 22 лет составление истории было главным занятием Карамзина; защищать и продолжать дело, начатое им в литературе, он предоставил своим литературным друзьям.

До издания первых 8 томов Карамзин жил в Москве, откуда выезжал только в Тверь к великой княгине Екатерине Павловне (через нее он передал государю в 1810 г. свою записку "О древней и новой России") и в Нижний, на время занятия Москвы французами. Лето он обыкновенно проводил в Остафьеве, имении князя Андрея Ивановича Вяземского, на дочери которого, Екатерине Андреевне, Карамзин женился в 1804 г. (первая жена Карамзина, Елизавета Ивановна Протасова, умерла в 1802 г.).

Последние 10 лет жизни Карамзин провел в Петербурге и сблизился с царской семьей, хотя император Александр I, не любивший критики своих действий, относился к Карамзину сдержанно со времени подачи "Записки", в которой историограф оказался *plus royaliste que le roi*. В Царском Селе, где Карамзин проводил лето по желанию императриц (Марии Феодоровны и Елизаветы Алексеевны), он не раз вел с императором Александром откровенные политические беседы, с жаром восставал против намерений государя относительно Польши, "не безмолвствовал о налогах в мирное время, о нелепой губернской системе финансов, о грозных военных поселениях, о странном выборе некоторых важнейших сановников, о министерстве просвещения или затмения, о необходимости уменьшить войско, воюющее только Россию, о мнимом исправлении дорог, столь тягостном для народа, наконец, о необходимости иметь твердые законы, гражданские и государственные".

По последнему вопросу государь отвечал, как мог бы он отвечать Сперанскому, что

"даст коренные законы России", но на самом деле это мнение Карамзина, как и другие советы противника "либералов" и "сервилистов", Сперанского и Аракчеева, "осталось бесплодно для любезного отечества". Кончина императора Александра потрясла здоровье Карамзина; полубольной, он ежедневно бывал во дворце для беседы с императрицей Марией Феодоровной, от воспоминаний о покойном государе переходя к рассуждениям о задачах будущего царствования. В первые месяцы 1826 г. Карамзин пережил воспаление легких и решился, по совету докторов, ехать весной в Южную Францию и Италию, для чего император Николай дал ему денежные средства и предоставил в его распоряжение фрегат. Но Карамзин был уже слишком слаб для путешествия и 22 мая 1826 г. скончался.

Карамзин как историк. Приступая к составлению русской истории без надлежащей исторической подготовки, Карамзин не имел в виду быть исследователем. Он хотел приложить свой литературный талант к готовому материалу: "выбрать, одушевить, раскрасить" и сделать, таким образом, из русской истории "нечто привлекательное, сильное, достойное внимания не только русских, но и иностранцев". Предварительная критическая работа над источниками для Карамзина - только "тяжкая дань, приносимая достоверности": с другой стороны, и общие выводы из исторического рассказа кажутся ему "метафизикой", которая не годится "для изображения действия и характера"; "знание" и "ученость", "Остроумие" и "Глубокомыслие" "в историке не заменяют таланта изображать действия". Перед художественной задачей истории отступает на второй план даже моральная, какую поставил себе покровитель Карамзина, Муравьев; критической историей Карамзин не интересуется, философскую сознательно отстраняет. Но уже предшествовавшее поколение, под влиянием Шлецера, выработало идею критической истории; среди современников Карамзина требования критики были общепризнанными, а следующее поколение выступило с требованием философской истории.

С своими взглядами на задачи историка Карамзин остался вне господствующих течений русской историографии и не участвовал в ее последовательном развитии. Страх перед "метафизикой" отдал Карамзина в жертву рутинному представлению о ходе русской истории, сложившемуся в официальной русской историографии, начиная с XVI в. По этому представлению, развитие русской истории находится в зависимости от развития монархической власти. Монархическая власть возвеличила Россию в киевский период; раздел власти между князьями был политической ошибкой, результатом которой явился удельный период русской истории; эта политическая ошибка была исправлена государственной мудростью московских князей - собирателей Руси; вместе с тем исправлены были и ее последствия - раздробление Руси и татарское иго. Не внося ничего нового в общее понимание русской истории, Карамзин и в разработке подробностей находился в сильной зависимости от своих предшественников. В рассказе о первых веках русской истории Карамзин руководился, главным образом, "Нестором" Шлецера, не вполне, однако, усвоив его критические приемы. Для позднейшего времени главным пособием для Карамзина служила история Щербатова, доведенная почти до того времени, на котором остановилась "История Государства Российского". Щербатов не только помог Карамзину ориентироваться в источниках русской истории, но существенно повлиял и на самое изложение. Конечно, слог "Истории" Карамзина носит на себе печать литературной его манеры, со всеми ее условностями; но в выборе материала, в его расположении, в истолковании фактов Карамзин руководится "Историей" Щербатова, отступая от нее, не к пользе истины, в картинных описаниях

"действий" и сентиментально-психологической обрисовке "характеров".

Особенности литературной формы "Истории Государства Российского"

доставили ей широкое распространение среди читателей и поклонников Карамзина, как литератора. В 25 дней разошлись все 3000 экземпляров первого издания "Истории Государства Российского". Но именно те особенности, которые делали "Историю" превосходной для своего времени популярной книгой, уже тогда лишали ее текст серьезного научного значения. Гораздо важнее для науки того времени были обширные "Примечания" к тексту. Небогатые критическими указаниями, "примечания" эти содержали множество выписок из рукописей, большей частью впервые опубликованных Карамзиным. Некоторые из этих рукописей теперь уже не существуют. В основу своей истории Карамзин положил те материалы Московского архива министерства (тогда коллегии) иностранных дел, которыми уже пользовался Щербатов (особенно духовные и договорные грамоты князей и акты дипломатических сношений с конца XV в.); но он мог воспользоваться ими полнее, благодаря усердной помощи директоров архива, Н. Н. Бантыш-Каменского и А. Ф. Малиновского. Много ценных рукописей дало Синодальное хранилище (тоже известное Щербатову), библиотеки монастырей (Троицкой лавры, Волоколамского монастыря и другие), которыми стали в это время интересоваться, а также частные собрания рукописей Мусина-Пушкина и Румянцева. Особенно много документов Карамзин получил от канцлера Румянцева, собиравшего, через своих многочисленных агентов, исторические материалы в России и за границей, а также от А. И. Тургенева, составившего коллекцию документов папского архива.

Обширные выдержки из всего этого материала, к которому надо присоединить найденную самим Карамзиным южную летопись, историограф напечатал в своих "Примечаниях"; но, ограничиваясь ролью художественного рассказчика и оставляя почти вовсе в стороне вопросы внутренней истории, он оставил собранный материал в совершенно неразработанном виде. Все указанные особенности "Истории" Карамзина определили отношение к ней современников. "Историей" восхищались литературные друзья Карамзина и обширная публика читателей-неспециалистов; интеллигентные кружки находили ее отсталой по общим взглядам и тенденциозной; специалисты-исследователи относились к ней недоверчиво, и самое предприятие - писать историю при тогдашнем состоянии науки - считали чересчур рискованным. Уже при жизни Карамзина появились критические разборы его истории, а вскоре после его смерти сделаны были попытки определить его общее значение в историографии. Лелевель указывал на невольное искажение им истины, "через сообщение предшедшему времени - характера настоящего" и вследствие патристических, религиозных и политических увлечений. Арцыбашев показал, в какой мере вредят "истории" литературные приемы Карамзина; Погодин подвел итог всем недостаткам "Истории", а Полевой усмотрел общую причину этих недостатков в том, что "Карамзин есть писатель не нашего времени" и что все его точки зрения, как в литературе, так и в философии, политике и истории, устарели с появлением в России новых влияний европейского романтизма. В 1830-х годах "История" Карамзина делается знаменем официально "русского" направления, и при содействии того же Погодина производится ее научная реабилитация. Осторожные возражения Соловьева (в 1850-х годах) заглушаются юбилейным панегириком Погодина (1866).

Карамзин как литератор. "Петр Россам дал тела, Екатерина - душу". Так, известным стихом, определялось взаимное отношение двух творцов новой русской цивилизации. Приблизительно в таком же отношении находятся и создатели новой русской литературы: Ломоносов и Карамзин. Ломоносов приготовил тот материал, из которого образуется литература; Карамзин вдохнул в него живую душу и сделал печатное слово выразителем духовной жизни и отчасти руководителем русского общества. Белинский говорит, что Карамзин создал русскую публику, которой до него не было, создал читателей - а так как без читателей литература немислима, то смело можно сказать, что литература, в современном значении этого слова, началась у нас с эпохи Карамзина и началась именно благодаря его знаниям, энергии, тонкому вкусу и незаурядному таланту. Карамзин не был поэтом: он лишен творческой фантазии, вкус его односторонен; идеи, которые он проводил не отличаются глубиной и оригинальностью; великим своим значением он более всего обязан своей деятельной любви к литературе и так называемым гуманным наукам. Подготовка Карамзина была широка, но неправильна и лишена солидных основ; по словам Грота, он "более читал, чем учился".

Серьезное его развитие начинается под влиянием Дружеского общества. Глубокое религиозное чувство, унаследованное им от матери, филантропические стремления, мечтательная гуманность, платоническая любовь к свободе, равенству и братству с одной стороны и беззаветно-смирненное подчинение властям предрержащим - с другой, патриотизм и преклонение перед европейской культурой, высокое уважение к просвещению во всех его видах, но при этом нерасположение к галломании и реакция против скептически-холодного отношения к жизни и против насмешливого неверия, стремление к изучению памятников родной старины - все это или заимствовано Карамзиным от Новикова и его товарищей, или укреплено их воздействием. Пример Новикова показал Карамзину, что и вне государственной службы можно приносить пользу своему отечеству, и начертал для него программу его собственной жизни. Под влиянием А. Петрова и, вероятно, немецкого поэта Ленца, сложились литературные вкусы Карамзина, представлявшие крупный шаг вперед сравнительно со взглядами его старших современников. Исходя из воззрения Руссо на прелести "природного состояния" и на права сердца, Карамзин, вслед за Гердером, от поэзии прежде всего требует искренности, оригинальности и живости. Гомер, Оссиан, Шекспир являются в его глазах величайшими поэтами; так называемая ново-классическая поэзия кажется ему холодной и не трогает его души; Вольтер в его глазах - только "знаменитый софист"; простодушные народные песни возбуждают его симпатию. В "Детском чтении" Карамзин следует принципам той гуманной педагогики, которую ввел в обиход "Эмиль" Руссо, и которая вполне совпадала со взглядами основателей Дружеского общества. В это время постепенно вырабатывается и литературный язык Карамзина, более всего способствовавший великой реформе. В предисловии к переводу Шекспировского "Юлия Цезаря" он еще пишет: "Дух его парил, яко орел, и не мог парения своего измерять", "великие духи" (вместо гении) и т. п. Но Петров смеялся над "долгосложно-протяжнопарящими" славянскими словами, и "Детское чтение" самой целью своей заставляло Карамзина писать языком легким и разговорным и всячески избегать "славянщины" и латинско-немецкой конструкции.

Тогда же, или вскоре после отъезда за границу, Карамзин начинает испытывать свои силы в стихотворстве; ему нелегко давалась рифма, и в стихах его совсем не было так называемого парения, но и здесь слог его ясен и прост; он умел находить новые для русской литературы темы и заимствовать у немцев оригинальные и красивые размеры. Его "древняя гишпанская историческая песня": "Граф Гваринос", написанная в 1789 г., - первообраз баллад Жуковского; его "Осень" в свое время поражала необыкновенной простотой и изяществом. Путешествие Карамзина за границу и явившиеся его результатом "Письма русского путешественника" - факт огромной важности в истории русского просвещения. О "Письмах" Буслаев говорит: "многочисленные читатели их нечувствительно воспитывались в идеях европейской цивилизации, как бы созревали вместе с созреванием молодого русского путешественника, учась чувствовать его благородными чувствами, мечтать его прекрасными мечтами". По исчислению Галахова, в письмах из Германии и Швейцарии известия научно-литературного характера занимают четвертую часть, а если из парижских писем исключить науку, искусство и театр, останется значительно менее половины. Карамзин говорит, что письма писаны "как случилось, дорогой, на лоскутках карандашом"; а между тем оказалось, что в них немало литературных заимствований - стало быть, они написаны хотя отчасти "в тишине кабинета". Во всяком случае значительную часть материала Карамзин действительно набирал дорогой и записывал "на лоскутках". Другое противоречие существеннее: каким образом пылкий друг свободы, ученик Руссо, готовый упасть на колени перед Фиеско, может так презрительно отзываться о парижских событиях того времени и не хочет в них видеть ничего, кроме бунта, устроенного партией "хищных волков"? Конечно, воспитанник Дружеского общества не мог относиться с симпатией к открытому восстанию, но, боязливая осторожность также играла здесь немалую роль: известно, как резко изменила Екатерина свое отношение к французской публицистике и к деятельности "Генеральных штатов" после 14 июля.

Самая тщательность обработки периодов в апрельском письме 1790 г. свидетельствует, по-видимому, о том, что тирады в восхваление старого порядка во Франции писаны на показ. - Карамзин усердно работал за границей (между прочим, выучился по-английски); его любовь к литературе укрепилась, и немедленно по возвращении на родину он делается журналистом. Его "Московский Журнал" - первый русский литературный журнал, действительно доставлявший удовольствие своим читателям. Здесь были образцы и литературной, и театральной критики, для того времени превосходные, красиво, общепонятно и в высшей степени деликатно изложенные. Вообще Карамзин сумел приспособить нашу словесность к потребностям лучших, т. е. более образованных русских людей, и притом обоюбого пола: до тех пор дамы не читали русских журналов. В "Московском Журнале" (как и позднее в "Вестнике Европы") Карамзин не имел сотрудников в современном значении этого слова: приятели присылали ему свои стихотворения, иногда очень ценные (в 1791 г. здесь появилось "Видение Мурзы" Державина, в 1792 г. "Модная жена" Дмитриева, знаменитая песня "Стонет сизый голубочек" его же, пьесы Хераскова, Нелединского-Мелецкого и других), но все отделы журнала он должен был наполнять сам; это оказалось возможным только потому, что он из-за границы привез целый портфель, наполненный переводами и подражаниями. В "Московском Журнале" появляются две повести Карамзина: "Бедная Лиза" и "Наталья, боярская дочь", служащие наиболее ярким выражением его сентиментализма. Особенно большой успех имела первая: стихотворцы славили автора или сочиняли элегии к

праху бедной Лизы. Явились, конечно, и эпиграммы. Сентиментализм Карамзина исходил из его природных наклонностей и условий его развития, а также из его симпатии к литературной школе, возникшей в то время на Западе. В "Бедной Лизе" автор откровенно заявляет, что он "любит те предметы, которые трогают сердце и заставляют проливать слезы тяжкой скорби". В повести, кроме местности, нет ничего русского; но неясное стремление публики иметь поэзию, сближенную с жизнью, пока удовлетворялось и этим немногим.

В "Бедной Лизе" нет и характеров, но много чувства, а главное - она всем тоном рассказа трогала душу и приводила читателей в то настроение, в каком им представлялся автор. Теперь "Бедная Лиза" кажется холодной и фальшивой, но по идее это первое звено той цепи, которая, через романс Пушкина: "Под вечер осенью ненастной", тянется до "Униженных и оскорбленных" Достоевского. Именно с "Бедной Лизы" русская литература принимает то филантропическое направление, о котором говорит Киреевский. Подражатели довели слезливый тон Карамзина до крайности, которой он вовсе не сочувствовал: уже в 1797 г. (в предисловии ко 2-й книге "Аонид") он советует "не говорить беспрестанно о слезах... сей способ трогать очень не надежен". "Наталья, боярская дочь" важна как первый опыт сентиментальной идеализации нашего прошлого, а в истории развития Карамзина - как первый и робкий шаг будущего автора "Истории Государства Российского". "Московский Журнал" имел успех, по тому времени весьма значительный (уже в первый год у него было 300 "субскрибентов"; впоследствии понадобилось второе его издание), но особенно широкой известности достиг Карамзин в 1794 г., когда он собрал из него все статьи свои и перепечатал в особом сборнике: "Мои безделки" (2-е изд., 1797; 3-е - 1801). С этих пор значение его, как литературного реформатора, вполне ясно: немногочисленные любители словесности признают его лучшим прозаиком, большая публика только его и читает с удовольствием. В России в то время всем мыслящим людям жилось так плохо, что, по выражению Карамзина, "великодушное остервенение против злоупотреблений власти заглушало голос личной осторожности" ("Записка о древней и новой России"). При Павле I Карамзин готов был покинуть литературу и искал душевного отдыха в изучении итальянского языка и в чтении памятников старины. С начала царствования Александра I-го Карамзин, оставаясь по-прежнему литератором, занял беспримерно высокое положение: он стал не только "певцом Александра" в том смысле, как Державин был "певцом Екатерины", но явился влиятельным публицистом, к голосу которого прислушивалось и правительство, и общество. Его "Вестник Европы" - такое же прекрасное для своего времени литературно-художественное издание, как "Московский Журнал", но вместе с тем и орган умеренно-либеральных взглядов. По-прежнему, однако, Карамзину приходится работать почти исключительно в одиночку; чтобы его имя не пестрило в глазах читателей, он принужден изобретать массу псевдонимов. "Вестник Европы" заслужил свое название рядом статей о европейской умственной и политической жизни и массой удачно выбранных переводов (Карамзин выписывал для редакции 12 лучших иностранных журналов).

Из художественных произведений Карамзина в "Вестнике Европы" важнее других повесть-автобиография "Рыцарь нашего времени", в которой заметно отражается влияние Жан-Поля Рихтера, и знаменитая историческая повесть "Марфа Посадница". В руководящих статьях журнала Карамзин высказывает "приятные

виды, надежды и желания нынешнего времени", разделявшиеся лучшей частью тогдашнего общества. Оказалось, что революция, грозившая поглотить цивилизацию и свободу, принесла им огромную пользу: теперь "государя, вместо того, чтобы осуждать рассудок на безмолвие, склоняют его на свою сторону"; они "чувствуют важность союза" с лучшими умами, уважают общественное мнение и стараются приобрести любовь народную уничтожением злоупотреблений. По отношению к России Карамзин желает образования для всех сословий, и прежде всего грамотности для народа ("учреждение сельских школ несравненно полезнее всех лицеев, будучи истинным народным учреждением, истинным основанием государственного просвещения"); он мечтает о проникновении науки в высшее общество. Вообще для Карамзина "просвещение есть палладиум благонравия", под которым он понимает проявление в частной и общественной жизни всех лучших сторон человеческой природы и укрощение эгоистических инстинктов.

Карамзин пользуется и формой повести для проведения своих идей в общество: в **"Моей Исповеди"** он обличает нелепое светское воспитание, которое дают аристократии, и несправедливые милости, ей оказываемые. Слабую сторону публицистической деятельности Карамзина составляет его отношение к крепостному праву; он, как говорит Н. И. Тургенев, скользит по этому вопросу (в "Письме сельского жителя" он прямо высказывается против предоставления крестьянам возможности самостоятельно вести свое хозяйство при тогдашних условиях). Отдел критики в "Вестнике Европы" почти не существует; Карамзин теперь далеко не такого высокого мнения о ней, как прежде, он считает ее роскошью для нашей, еще бедной, литературы. Вообще "Вестник Европы" не во всем совпадает с "Русским путешественником". Карамзин далеко не так, как прежде, благоговеет перед Западом и находит, что и человеку, и народу нехорошо вечно оставаться в положении ученика; он придает большое значение национальному самосознанию и отвергает мысль, что "все народное ничто перед человеческим". В это время Шишков начинает против Карамзина и его сторонников литературную войну, которая осмыслила и окончательно закрепила реформу Карамзина в нашем языке и отчасти в самом направлении русской словесности.

Карамзин в юности **признал своим учителем в литературном слоге Петрова**, врага славящины; в 1801 г. он высказывает убеждение, что только с его времени в русском слогам замечается "приятность, называемая французами *elegance*". Еще позднее (1803) он так говорит о литературном слогам: "русский кандидат авторства, недовольный книгами, должен закрыть их и слушать вокруг себя разговоры, чтобы совершенно узнать язык. Тут новая беда: в лучших домах говорят у нас более по-французски... Что же остается делать автору? Выдумывать, сочинять выражения, угадывать лучший выбор слов". Шишков восстал против всех нововведений (причем, примеры берет и у неумелых и крайних подражателей Карамзина), резко отделяя литературный язык, с его сильным славянским элементом и тремя стилями, от разговорного.

Карамзин не принял вызова, но за него вступили в борьбу Макаров, Каченовский и Дашков, которые и теснили Шишкова, несмотря на поддержку российской академии и на основании в помощь его делу "Беседы любителей российской словесности". Спор можно считать оконченным после основания Арзамаса и вступления

Карамзина в академию в 1818 г. В своей вступительной речи он высказал светлую мысль, что "слова не изобретаются академиями; они рождаются вместе с мыслями". По выражению Пушкина, "Карамзин освободил язык от чуждого ига и возвратил ему свободу, обратив его к живым источникам народного слова". Этот живой элемент заключается в краткости периодов, в разговорной конструкции и в большом количестве новых слов (таковы, например, моральный, эстетический, эпоха, сцена, гармония, катастрофа, будущность, влиять на кого или на что, сосредоточить, трогательный, занимательный, промышленность). Работая над историей, Карамзин сознал хорошие стороны языка памятников и сумел ввести в обиход много красивых и сильных выражений. При собирании материала для "Истории" Карамзин оказал огромную услугу изучению древней русской литературы; по словам Срезневского, "о многих из древних памятников Карамзиным сказано первое слово и ни об одном не сказано слова не кстати и без критики". "Слово о Полку Игореве", "Поучение Мономаха" и множество других литературных произведений древней Руси стали известны большой публике только благодаря "Истории Государства Российского".

В 1811 г. Карамзин был отвлечен от своего главного труда составлением знаменитой записки **"О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях"** (издано вместе с запиской о Польше, в Берлине, в 1861 г.; в 1870 г. - в "Русском Архиве"), которую панегиристы Карамзина считают великим гражданским подвигом, а другие "крайним проявлением его фатализма", сильно склоняющегося к обскурантизму. Барон Корф ("Жизнь Сперанского", 1861) говорит, что эта записка не есть изложение индивидуальных мыслей Карамзина, но "искусная компиляция того, что он слышал вокруг себя". Нельзя не заметить явного противоречия между многими положениями записки и теми гуманными и либеральными мыслями, которые высказывал Карамзин, например, в "Историческом похвальном слове Екатерине" (1802) и других публицистических и литературных своих произведениях. Записка, как и поданное Карамзиным в 1819 г. Александру I "Мнение русского гражданина" о Польше (напечатано в 1862 г. в книге "Неизданные сочинения"; ср. "Русский Архив" 1869), свидетельствуют о некотором гражданском мужестве автора, так как по своему резко-откровенному тону должны были возбудить неудовольствие государя; но смелость Карамзина не могла быть ему поставлена в серьезную вину, так как возражения его основывались на его уважении к абсолютной власти. Мнения о результатах деятельности Карамзина сильно расходились при жизни его (его сторонники еще в 1798 - 1800 гг. считали его великим писателем и помещали в сборники рядом с Ломоносовым и Державиным, а враги даже в 1810 г. уверяли, что он разливает в своих сочинениях "вольнодумческий и якобинский яд" и явно проповедует безбожие и безначалие); не могут они быть приведены к единству и в настоящее время. Пушкин признавал его великим писателем, благородным патриотом, прекрасной душой, брал его себе в пример твердости по отношению к критике, возмущался нападками на его историю и холодностью статей по поводу его смерти. Гоголь говорит о нем в 1846 г.: "Карамзин представляет явление необыкновенное. Вот о ком из наших писателей можно сказать, что он весь исполнил долг, ничего не зарыл в землю и на данные ему пять талантов истинно принес другие пять". Белинский держится как раз противоположного мнения и доказывает, что Карамзин сделал меньше, чем мог. Впрочем, огромное и благодетельное влияние Карамзина на развитие русского языка и литературной формы единодушно признается всеми.

Литература: I. Сочинения и письма Карамзина. Более полными и исправными изданиями Карамзина считаются: "Сочинения" (издание 4-е, 1834 - 35 и 5-е, 1848) и "Переводы" (издание 3-е, 1835). "Бедная Лиза" перепечатывалась много раз. Многочисленны переиздания избранных мест из "Писем русского путешественника". Лучшие издания "Истории Государства Российского" - 2-е, Сленина (Санкт-Петербург, 1818 - 29; "Ключ" к нему П. Строева, Москва, 1836) и 5-е, Эйнерлинга (с "Ключом" Строева, Санкт-Петербург, 1842 - 43). Отдельные тома издания в "Дешевой Библиотеке" Суворина (без примечаний). "Письма Карамзина к А.Ф. Малиновскому" (издание "Общества Любителей Российской Словесности" под редакцией М.Н. Лонгинова, 1860). Важнейший из сборников писем Карамзина - к И.И. Дмитриеву, изданный Гротом и Пекарским к юбилею Карамзина в 1866 г.; по тому же поводу вышла и книга М.П. Погодина: "Н.М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников" (Москва, 1866). Письма к Н.И. Кривцову ("Отчет Императорской публичной библиотеки за 1892 г.", приложение); к князю П.А. Вяземскому, 1810 - 1826 годов ("Старина и Новизна", книга I, 1897; ср. "Вестник Европы", 1897, V); к А.И. Тургеневу, 1806 - 1826 годов ("Русская Старина", 1899, I - IV); переписка с императором Николаем Павловичем ("Русский Архив", 1906, I). Из бумаг Н.М. Карамзина ("Старина и Новизна", книга II, 1898); "Записка о древней и новой России" (издание под редакцией В.В. Сиповского, Санкт-Петербург, 1914, ср. текст "Записки" в 3-м издании книги А.Н. Пыпина: "Общественное движение при Александре I"). - II. Исследования и статьи о Карамзине: К.Н. Бестужев-Рюмин (в "Русском биографическом словаре" 1897); В.В. Сиповский, "Н.М. Карамзин, автор Писем русского путешественника" (Санкт-Петербург, 1899); Н.П. Барсуков, "Жизнь и труды М.П. Погодина"; Н.Н. Булич, "Очерки по истории русской литературы и просвещения" (2-е издание); его же, "Биографический очерк Карамзина" (1866); Иконников, "Карамзин историк"; П. Милюков, "Главные течения русской исторической мысли" (8-е издание, Санкт-Петербург, 1913); С.Ф. Платонов, "Речь о Карамзине" (Сочинения, том I); "Старина" и "Новизна", книга XIII, 1909 (из дневника княгини Е.Н. Мещерской о последних годах жизни Карамзина); М.Н. Мазаев, "Культ любви" ("Вестник Воспитания", 1901, сентябрь); статьи о языке Карамзина; В. Истомина (в "Русском филологическом Вестнике", 1896, том XXXVI) и Е.Ф. Будде (в "Журнале Министерства Народного Просвещения", 1901, II). - III. Библиография. С.А. Венгеров, "Источники словаря русских писателей" (том II, Санкт-Петербург, 1910).

<u>главная</u>			<u>полезные ссылки</u>
<u>об авторе сайта</u>	<u>Впечатления о новом театре оперы и балета Владивостока</u>	<u>об искусстве</u>	<u>разное</u>
<u>фотографии</u>	<u>календарно-тематический план и другие требования</u>	<u>Владимир Самойлович Горовиц</u> <u>биография</u>	<u>политика конфиденциальности</u>
<u>педагогическая деятельность</u>	<u>компьютер для музыкальных занятий</u>		<u>новости сайта</u>
<u>слайдшоу и презентации для работы</u>	<u>как работать в MuseScore</u>	<u>Иосиф Бродский</u>	<u>обратная связь</u>
<u>http://nina-teleckaya.narod.ru/index/moi_muzykalnye_slajdfilmy/0-4#p1</u>			
<u>Моя презентация об Органе - короле музыкальных инструментов.</u>			
<u>35 летию ЦРТДиЮ посвящается</u>			
<u>" А что у нас "</u>			
<u>"Трудами вашими здесь — Россия "</u>			
<u>"Иллюстрации о детских годах Моцарта "</u>			
<u>"Я люблю тебя, Россия"</u>			
<u>Фотопортфолио - кратко</u>			
<u>фотографии и видео с занятий</u>	<u>в Anvil Studio</u>	<u>Лавринайтис Татьяна Андреевна</u>	<u>каталог файлов</u>
<u>аранжировки</u>	<u>редактор аудио Audacity</u>	<u>Диана Вишнёва</u>	<u>Скачать презентацию о Бетховене « О силе духа — с любовью</u>
<u>дополнительные материалы</u>	<u>видеуроки и мастерклассы</u>	<u>Юрий Михайлович Лотман</u>	<u>наглядное пособие "соответствие клавиш компьютерной клавиатуры клавишам</u>

			фортепиано синтезатора "в Anvil Studio" файл для распечатки.7z скачать
о звуке и его воздействии	Звукоизвлечение на скрипке	Письмо дирижёра Евгения Шестакова	Скачать презентацию «Орган»
струнные смычковые инструменты	Программа " 45 шедевров классической музыки"	в мультфильмах - хорошая классическая музыка	
Развитие мелкой моторики рук у детей в занимательной форме	Вопросы и ответы по возможному обучению музыке на компьютере.	Bartok Violin Solo Sonata: Fuga Gidon Kremer vl.	
Пальчиковая сказка	Вопрос: как (1) и когда (2) можно использовать компьютер для музыкальных занятий?	Барток Соната скрипки соло: Fuga Гидон Кремер	
Пальчиковые игры. Музыка с мамой. Железновы	Вопрос: какие задачи по обучению музыке поможет решить компьютер, а какие - нет?	Gidon Kremer plays Eugène Ysaie - Solo Sonata No.1 in G minor I. Гидон Кремер играет Эжена Изаи - Соло Соната No.1 соль минор I. Grave	
Развивающие занятия. Развитие мелкой моторики	Вопрос: для каких музыкальных занятий можно использовать компьютер?	О художниках	
Гимнастика для рук - для музыкантов, актёров, жонглёров, для компьютерщиков.	Авторское описание программы " 45 шедевров классической музыки"	Театр	
http://nina-teleckaya.narod.ru/index/dopolnitelnye_materialy/0-18#p7	Скриншоты программы и видеопрезентация программы " 45 шедевров классической музыки"		
Предисловие	Виртуальное пианино - играть на сайте на пианино		
Мастер-класс с Иегуди Менухиным	прием игры, называемый col legno		
Штрих смычковых струнных инструментов	Место ведения смычка по струне		

<u>Способы извлечения звука</u>	<u>sul ponti-cello</u>		
<u>Движение струны</u>	<u>такой прием называется sul tasto</u>		
<u>arco</u>	<u>В скрипичной музыке часто встречаются сочетания штрихов</u>		
<u>pizzicato</u>	<u>Генрик Венявский Бела Барток Румынские танцы</u>		